

родских жителей, Хабаровский край — 79%, Иркутскую (78%) и Новосибирскую (71%) области, Красноярский край — 69%. Не вышли на общесоюзный уровень урбанизации Омская, Читинская, Тюменская, Томская, Якутская области, Алтайский край, Бурятская АССР, имевшие этот показатель в пределах от 52 до 63%¹.

Таким образом, определяющим фактором в процессе становления и развития городов Урала, Сибири и Казахстана на этапе советской индустриальной модернизации была экономика. Создание крупных промышленных предприятий, развитие добывающих отраслей экономики и транспортной инфраструктуры способствовало повышению уровня жизнедеятельности городов. Они стали своеобразными центрами социально-бытового и культурного развития регионов, что привлекало как местных сельских жителей, так и мигрантов из других районов страны.

¹ Население СССР: По данным Всесоюзной переписи населения 1979 г. С. 3—7, 11—15.

Библиографический список

1. Алексеенко Н. В., Алексеенко А. Н. Население Казахстана за 100 лет (1897—1997 гг.). Усть-Каменогорск: Полиграфия, 1999. 156 с.
2. Братченко Т. М., Сенявский А. С. Раннеиндустриальная модернизация дореволюционной России // Известия Самарского научного центра РАН. 2007. Т. 9, № 2. С. 315—326.
3. Дашинамжилов О. Б. Урбанизация в Западной Сибири // Гуманитарные науки в Сибири. 2013. № 1. С. 67—71.
4. Исупов В. А. Городское население Сибири: От катастрофы к возрождению (конец 30-х — конец 50-х гг.). Новосибирск: Наука. Сибирское отделение, 1991. 291 с.
5. Исупов В. А., Московский А. С. Формирование городского населения Сибири (1926—1939 гг.). Новосибирск, 1984. 168 с.
6. Пивоваров Ю. Л. Современная урбанизация: основные тенденции расселения. М.: Статистика, 1976. 328 с.
7. Пивоваров Ю. Л. Урбанизация в России в XX в.: представления и реальность // Общественные науки и современность. 2001. № 1. С. 101—113.
8. Россия в начале XX века: исследования / под ред. акад. А. Н. Яковлева. М.: Новый хронограф, 2002. 744 с.
9. Сенявский А. С. Российский город в 1960-е — 1980-е годы. М.: РАН, Ин-т рос. истории, 1995. 264 с.
10. Сенявский А. С. Урбанизация России в XX веке: Роль в историческом процессе. М.: Наука, 2003. 286 с.

УДК 94(470.5+571.1)“1920”

К. И. Зубков, кандидат исторических наук

Институт истории и археологии Уральского отделения РАН, г. Екатеринбург

E-mail: zubkov.konstantin@gmail.com

Лесная колонизация Урало-Сибирского Севера: опыт реконструкции хозяйственной концепции 1920-х гг.

В статье предлагается историческая реконструкция советской концепции лесной колонизации ближнего Севера Урала и Сибири, которая в 1920-е гг. должна была стать продолжением аграрных переселений конца XIX — начала XX века и вобрала в себя хозяйственные императивы периода нэпа. Анализируются основные принципы, соображения и расчеты, положенные в основу этой концепции, а также присущие ей противоречия.

Ключевые слова: лесная колонизация, аграрные переселения, Урал, Сибирь, ближний Север.

С начала 1920-х гг. целый ряд конъюнктурных условий и обстоятельств вызвал к жизни в восточных регионах СССР такое важное направление хозяйственных преобразований, как колонизация обширных лесотаежных пространств ближнего Севера Урала и Западной Сибири. В силу того что лесная колонизация не охватывалась целиком ни одним из направлений известной «триады» социалистических преобразований (индустриализация, коллективизация, культурная революция), а формирова-

лась из комбинации их отдельных элементов, она оказалась на периферии исследовательских интересов историков. Этому способствовало и то, что по стечению обстоятельств лесная колонизация в 1920-х гг. не успела развернуться в полноценное направление хозяйственного развития, и сама ее идея при переходе от нэпа к форсированной социалистической реконструкции быстро заглохла, запечатлевшись в истории прежде всего как одна из нереализованных возможностей строительства

социалистической экономики. Для того чтобы ясно представлять все ее достоинства и недостатки, необходимо понять, какие соображения и расчеты лежали в ее основе.

В контексте советской хозяйственной политики термин «колонизация» стал активно использоваться с начала 1920-х гг. — главным образом благодаря авторитету и опыту деятелей, связанных в дореволюционный период с разработкой переселенческой политики. В апреле 1922 г. под эгидой Госплана был учрежден Государственный колониационный научно-исследовательский институт (Госколониит). Главными его задачами являлись научное обеспечение государственных мероприятий в области землеустройства и переселений как составной части политики восстановления народного хозяйства, разработка основных принципов рационального освоения малообжитых и ненаселенных территорий, направлений и стратегий колониационной работы [2, с. 272].

Виднейшие сотрудники Госколониита (А. А. Ярилов, И. Л. Ямзин, В. П. Вошинин, Г. Ф. Чиркин и др.) стремились избавить понятие «колонизация» от негативных коннотаций и придать ему совершенно новое «социалистическое» содержание. Они отличали колонизацию от прежних аграрных переселений, которые часто — особенно на национальных окраинах — несли в себе колонизаторский аспект, и делали акцент на ее технико-экономической стороне — максимально полном выявлении производительных сил и экономических возможностей отдельных территорий и организации их рационального и комплексного использования в соответствии с общегосударственным планом [14, р. 88—89]. В идее настоящей необходимости планомерной, организуемой и материально поддерживаемой государством колонизации в 1920-е гг. удачно сходились сразу несколько перспективных направлений хозяйственного развития страны.

В советских условиях колонизация должна была стать продолжением массовых аграрных переселений на восток, набравших силу в предреволюционные годы и вызвавших заметный экономический подъем зауральских территорий России. Если за период с 1861 по 1885 г. колониационный поток за Урал составил около 300 тыс. переселенцев, то в следующее двадцатилетие — с 1886 по 1905 г. — в Азиатскую Россию прибыли 1 520 750 душ

обоих полов. Своего пика — 2 516 075 душ — крестьянские переселения за Урал достигли в период с 1906 по 1910 г. (Средний годовой размер переселенческого движения составил: в 1861—1885 гг. 12 тыс. чел., в 1886—1905 гг. — 76 тыс., в 1906—1910 гг. — 500 тыс. чел.) [8, с. 2]. В 1911—1914 гг. поток переселенцев несколько упал, но все же по-прежнему составлял внушительную величину — 783 010 душ обоих полов (около 195 тыс. в год) [13, с. 31]. Однако в эти последние предвоенные годы и даже во время войны процесс крестьянских переселений заметно улучшился в качественном отношении, приобретая все более организованный и планомерный характер.

Передача в 1905 г. Переселенческого Управления из ведения Министерства внутренних дел в состав Главного Управления землеустройства и земледелия (с 1915 г. — Министерство земледелия) позволила усилить регулируемую и стимулирующую роль государства в осуществлении переселенческой политики. С 1893 по 1917 г. государство ассигновало на поддержку крестьянской колонизации восточных регионов страны около 250 млн. руб., причем ежегодные объемы финансирования переселенческого дела выросли с 671 тыс. руб. в 1893 г. до более чем 30 млн. руб. в 1913—1917 гг. Эти средства шли на реализацию широкой системы государственных мероприятий: предоставление ссуд переселенческим хозяйствам, организацию врачебной помощи, гидротехническое и дорожное строительство, подготовку колониационного фонда (землеотводно-землеустроительные работы), почвенно-ботанические и агрометеорологические исследования [9, с. 296].

В период войн и революций колониационный приток на восток страны резко пошел на убыль, полностью прекратившись к 1919 г. [13, с. 31]. Возобновление практики крестьянских переселений в советских условиях становилось актуальной задачей не только потому, что аграрный переворот 1917—1918 гг. не разрешил до конца острую проблему крестьянского малоземелья в центральных районах России. Колонизация виделась достаточно быстрым экстенсивным способом увеличения производительных сил страны и соответственно восстановления народного хозяйства.

Советская концепция колонизации содержала как моменты преемственности с доре-

волюционной практикой крестьянских переселений, так и новое видение ее задач. Она разрабатывалась с учетом позитивного опыта организационно-регулирующей деятельности дореволюционного Переселенческого управления, и в этом примере централизованного государственного подхода к управлению сельским хозяйством заключалась едва ли не главная линия континуитета между предреволюционными крестьянскими переселениями и послеволюционными планами преобразования аграрной экономики. Хотя и признавалось, что аграрная колонизация Сибири (и особенно следовавшая за ней практика закрепления переселенческих земельных участков в частную собственность) в тенденции ведет к свободному развитию капитализма предпринимательского типа [11, с. 5], сама деятельность Переселенческого управления по распределению земель колонизационного фонда среди масс переселяющихся малоземельных крестьян несла в себе явные черты уравнительной социально-патерналистской политики и экономики «раздаточного» типа. Американский историк П. Холквист считает возможным говорить даже о специфической идеологии (или «институциональной культуре») Главного Управления землеустройства и земледелия и его Переселенческого управления, которой, по его мнению, был присущ «антикоммерческий, технократический этос» — этатистская вера во всеисие государственной организации в деле повышения народного благосостояния и в необходимость сдерживания негативных социальных последствий, характерных для капитализма западноевропейского типа [15, р. 151—152]. Этот случай, вероятно, можно рассматривать как аппаратный, технократический вариант более широкой идеологии (разделяемой и самодержавной властью, и различными слоями русского общества), согласно которой государство обязано обеспечивать большинству населения минимум социального благосостояния через доступ к недвижимой собственности [6, с. 43].

Новизна же советского подхода к колонизации во многом была связана с представлениями о том, что главная задача колонизационной работы в новых условиях заключается прежде всего в расширении тех организационно-управленческих функций государства, которые проявились уже в деятельности старого Переселенческого управления, и в доведении

их до уровня организации «общественного производства в государственном масштабе». Государство должно было не просто содействовать колонизации, но и стать ее «хозяйственно активным субъектом», целиком взяв это дело в свои руки. Больше того, предполагалось, что на вновь колонизируемых территориях, менее всего подверженных влиянию старых хозяйственных форм, возникает больше шансов обеспечить совершенную государственную организацию аграрной экономики. В. П. Вошинин, один из наиболее авторитетных сотрудников Госколонита, в этой связи писал: «Обжитым и подверженным известной сельскохозяйственной косности районам нужно немедленно же противопоставить целые сплошные территории новых земель с по возможности совершенной организацией на них самого разнообразного производства в самом широком государственном масштабе — силами и средствами центральной власти» [4, с. 9, 10, 12].

Отталкиваясь от успешного предреволюционного опыта аграрной колонизации Сибири, вызвавшей общее оживление экономики края (развитие хлебного экспорта, рост городов, транспорта и торговли, возникновение промышленного маслоделия и т.п.), идеологи Госколонита уже не ограничивали задачи советской колонизации только развитием сельского хозяйства, но мыслили ее в самом широком экономическом смысле. Традиционные для России крестьянские переселения, оставаясь самым верным залогом жизнеспособности колонизационной активности, должны были сыграть роль лишь первичного фактора заселения и освоения пустынных окраин страны, давая толчок развитию и других отраслей хозяйства. Отчасти такое широкое понимание задач колонизации обуславливалось объективными причинами. Интенсивное переселенческое движение первого десятилетия XX в. уже к началу 1920-х гг. привело к недостатку колонизационных фондов так называемого легкого освоения, что в ближайшей перспективе объективно заставляло искать резервы земель в гораздо более трудной для освоения северной таежной зоне [7, с. 197].

Представление о резервах колонизационного фонда в разных почвенно-ботанических зонах дают данные по Уральской области, где, по колонизационному плану на 1925—1935 гг.,

для вселения вновь прибывающих переселенцев было определено «удобных» земель: 350 тыс. десятин в наиболее осваиваемой лесостепной зоне (Ишимский, Курганский и Тюменский округа); 750 тыс. десятин — в более засушливой, но обжитой степной зоне (Троицкий округ); 500 тыс. десятин — в ближней лесотаежной зоне (север Тюменского округа, южная часть Тобольского округа, Ирбитский округ); 1800 тыс. десятин — в более северных частях Верх-Камского, Тагильского и Тобольского округов [3, с. 114].

Смещение векторов колонизации в северном направлении выделось не только вынужденной, но и хозяйственно целесообразной перспективой, поскольку общее экономическое оживление, привносимое крестьянской колонизацией в неосвоенные, безлюдные местности, создавало предпосылки для более быстрого и надежного вовлечения в народно-хозяйственный оборот еще не затронутых эксплуатацией обширных лесотаежных массивов ближнего севера Урала и Сибири. Одновременно, с учетом того, что при суровом и более влажном климате таежных местностей, плохих почвенных условиях (подзолы, пески, сильная заболоченность), невозможности использовать привычную агротехнику, земледелие становилось более трудоемким и менее продуктивным, оно, как считалось, «едва ли и в отдаленном будущем может стать исключительным занятием населения». Поэтому в лесотаежных местностях колонизация неизбежно должна была видоизменять свой характер, превращаясь из чисто аграрной в лесную, или лесопромышленную. Целевой установкой колонизации таежных местностей становилось «комбинированное колонизационно-промышленное и транспортное освоение» [3, с. 114, 117].

Г. Ф. Чиркин, последний начальник дореволюционного Переселенческого управления (1916—1917 гг.), а в советское время — видный сотрудник Госколонита, активный поборник освоения северных окраин, один из организаторов Транспортно-промышленно-колонизационного комбината Мурманской железной дороги, доказывал, что в новых, советских, условиях колонизация должна пониматься уже «как планомерная последовательная система государственных мер, направленных к развитию в крае хозяйственной и промышленной жизни на основе рациональ-

ного, интенсивного и всестороннего использования природных богатств и экономических возможностей» [10, с. 3].

Позднее на примере Олонецкого края Чиркин проводил мысль о том, что в России как северной стране, с обилием местностей, где невозможно «сельское хозяйство в привычных формах», основой колонизации должно быть комбинированное хозяйство, в котором обработка земли и скотоводство сочетаются с различными промыслами и промышленной переработкой природных ресурсов. «Хозяйственная жизнь края должна развиваться путем планомерной организации целой сети мероприятий, охватывающих всевозможные, по местным условиям, отрасли добывающей и обрабатывающей промышленности, но ни в коем случае не базирующихся только на использовании одного какого-либо вида естественных богатств. Использование этих богатств должно быть не только всесторонним, но и технически совершенным и хозяйственно продуманным и проводимым со строго *планомерной последовательностью*», — подчеркивал ученый [12, с. 6—7].

Повышенное внимание к освоению лесов ближнего урало-сибирского Севера во многом объяснялось тем, что в условиях нэпа и порожденного этой политикой духа коммерциализации резко возрос спрос на экспортные ресурсы, которые могли стать важным источником восстановления народного хозяйства, и среди экспортных позиций на первом месте стояли, по оценке идеологов советской колонизации, лесные ресурсы. В таежной зоне Урала и Сибири еще до революции, в порядке естественной адаптации переселенческих хозяйств к новым условиям экономической деятельности, наблюдалась переориентация их части на лесные промыслы. При трудностях расчистки лесных площадей и отсюда малых размерах посевных площадей, при медленности роста хозяйства в этих районах (по сравнению с лесостепными), в хозяйстве переселенца, заброшенного в глубокую тайгу, видное место приобретали заготовка леса и дров, различные виды сухой перегонки дерева, кустарные деревообрабатывающие промыслы и т.п. Так, в Сибири, согласно обследованию 1911 г., до 36% работников-мужчин в переселенческих хозяйствах были заняты неземледельческими лесными промыслами, в том числе заготовкой

леса [9, с. 293]. При массовом притоке крестьян-переселенцев в таежную зону возникала перспектива развертывания в районах ближнего Севера крупной лесозаготовительной промышленности и организации экспорта лесных материалов за границу путем использования сплавных рек и трассы Северного морского пути.

Помимо этого общего коммерческого интереса, для отдельных восточных регионов страны лесопромышленная колонизация имела особое значение. Например, для учрежденной в 1923 г. Уральской области с колонизацией северных лесных окраин связывалось разрешение крайне острой проблемы дефицита топлива для уральской промышленности. Развитие черной металлургии Урала в сильнейшей степени продолжало зависеть от прироста ресурсов древесноугольного топлива. Хотя переход Урала на минеральное топливо уже считался исторически неизбежным, неясности с ценами на кокс из Кузнецкого бассейна, объемами его производства и тарифами на его доставку отдаляли тот момент, когда этот вопрос мог быть переведен в практическую плоскость. В то же время истощение близлежащих к заводам лесных дач, изменения в структуре лесопользования (расширение лесопользования со стороны сельского населения, отвлечение значительных объемов леса на экспорт и бумажное производство) делали экстенсивный путь прироста запасов древесного топлива за счет освоения удаленных лесных массивов по верхней Каме и Тавде единственно возможным решением проблемы [1, с. 17]. При этом многие специалисты полагали, что даже при освоении плавки чугуна на минеральном топливе уральская металлургия должна, по возможности, сохранить в существенных объемах свой уникальный специализационный профиль — производство железа высокой чистоты и сопротивления, которое могло стать важной статьей экспорта. Известный ученый-металлург В. Е. Грум-Гржимайло писал в этой связи: «При правильной постановке железного дела на Урале, при снабжении его др.[евесным] углем из обширных лесов севера России и Сибири, при проведении северной сибирской магистрали мы можем организовать массовый ввоз в Европу железа высших сортов» [5, с. 4]. Все эти обстоятельства объясняют упорство и энергию, с которой уральское руководство, преодолевая

сопротивление Госплана и Сибревкома, вело в 1922—1923 гг. борьбу за присоединение к Уральской области богатых лесом обширных зауральских территорий, входивших в состав Тюменской губернии.

При этом в расчетах идеологов колонизации не всегда учитывалось, что совмещение задач аграрной колонизации лесотаежной зоны с задачами организации рационального лесного хозяйства накладывало на крестьянина-переселенца весьма тяжелое дополнительное бремя. В прежние времена заброшенный в глубокую тайгу крестьянин-переселенец прибегал к простому, испытанному веками способу расчистки лесных участков под пашню и сенокосы — подсечно-огневого. В новых условиях, при возрастающей коммерческой ценности лесных ресурсов, простое сведение лесов в целях расчистки посевных площадей виделось как нерациональная, хищническая растрата общественного богатства. Вопрос о том, как совместить в одном цикле хозяйственной деятельности крестьянина-переселенца, с одной стороны, экономичную расчистку посевных площадей и, с другой — сбережение и максимально полную утилизацию лесных ресурсов, не был до конца разрешен. Произведенные примерные расчеты показывали, что в таежной зоне при различных вариантах «правильной», рационально организуемой расчистки лесных участков, предусматривающей сбережение и утилизацию лесных материалов (ручная корчевка, валка с корнем, использование домкратов и специальных корчевальных машин, взрывные работы), на подготовку посевной площади в 10 десятин, при колебаниях в интенсивности работ в летний и зимний сезоны, крестьянину-переселенцу требовался срок от 12 до 25 лет [7, с. 200—201].

Это делало продвижение колонизации в лесотаежную зону крайне трудозатратным и медленным процессом. При таких условиях весьма проблематичным виделось и решение главной задачи — привлечь в колонизируемые районы деятельное и энергичное население, обустроить его и обеспечить ему возможность постоянного и достаточного заработка. Задача превращения крестьянина, не оставляющего своих сельскохозяйственных занятий, одновременно в рачительного лесозаготовителя виделась с этой точки зрения вполне утопичной. Выход из этой трудноразрешимой дилеммы мог быть найден только при значительном

расширении мер и объемов государственной финансовой поддержки переселенческих хозяйств (ссуды на оплату машин, прокладка лесовозных дорог, механизация всего цикла работ), на что у страны в условиях развертываемой индустриализации просто не было средств. Как известно, с конца 1920-х гг. обозначенная проблема стала решаться в СССР на принципиально иной основе — путем использования принудительного труда спецпереселенцев и заключенных в узко понимаемых эксплуатационных целях, что, конечно, не соответствовало тем замыслам и расчетам, которые связывались с лесопромышленной колонизацией в начале 1920-х гг.

Библиографический список

1. Андроников В. Перспективы развития металлургии в СССР и роль Урала в этом развитии // *Хозяйство Урала*. 1925. № 2. С. 8—20.
2. Волошинова И. В. Создание Колонизационного Института в СССР // *Былые годы*. 2014. Т. 32, № 2. С. 271—275.
3. Воскобойников М. Значение Уралобласти для государственной колонизации // *Весь промышленный и торговый Урал, 1927* / [ред. Д. М. Бобылев]. Свердловск : Газетное издательство Уралоблсполкома, [1927]. С. 113—118.
4. Вошинин В. Государственно-неотложные задачи колонизации // *Очередные вопросы колонизации* / под ред. В. П. Вошинина. Пг. : Тип. М. П. Фроловой, 1919. Вып. 1. Север Европейской России. С. 9—13.
5. Грум-Гржимайло В. Промышленные возможности Урала в связи с экспортом // *Экономический бюллетень Уралвнешторга*. 1922. № 1 (Октябрь — ноябрь). С. 3—4.
6. Зубков К. И. Великая русская революция 1917 г.: взгляд через столетие // *ЭКО: Всерос. эконом. журнал*. 2018. № 1. С. 35—52.
7. Ободовский С. К вопросу о лесной колонизации // *Плановое хозяйство*. 1926. № 4 (апр.). С. 197—204.
8. Переселение и землеустройство за Уралом в 1906—1910 гг. и Отчет по переселению и землеустройству за 1910 год / Переселенческое управление Главного управления землеустройства и земледелия. СПб. : Тип. М. П. Фроловой, 1911. [5], 501 с., 68 л. ил., карт.
9. Усов В. С. Колонизация и ее значение для развития производительных сил Сибири // *Труды Первого Сибирского краевого научно-исследовательского съезда / О-во изучения Сибири и ее производительных сил* ; под общ. ред. А. А. Ансона [и др.] ; отв. ред. Г. И. Черемных. Новосибирск : Красное знамя, 1927. Т. 3: Доклады секции «Поверхность». С. 279—301.
10. Чиркин Г. Ф. Колонизация Севера и пути сообщения. Пг. : Типо-литография Комиссариата Северо-Западного Округа Путей Сообщения, 1920. 19 с.
11. Чиркин Г. О задачах колонизационной политики в Сибири // *Вопросы колонизации. Периодический сборник* / под ред. Г. Ф. Чиркина и Н. А. Гаврилова. СПб., 1911. № 8. С. 1—37.
12. Чиркин Г. Ф. Транспортно-промышленно-колонизационный комбинат Мурманской железной дороги: его возникновение, развитие и метод работ // *Главнаука, Труды государственного научно-исследовательского института землеустройства и переселения*. М. ; Л. : [Б. и.], 1928. Т. IX. 134, [1] с., [2] л. схем., карт.
13. Ямзин И. Л., Вошинин В. П. Учение о колонизации и переселениях. М. ; Л. : Гос. изд-во, 1926. 330 с.
14. Hirsch Fr. *Empire of Nations: Ethnographic Knowledge and the Making of the Soviet Union*. Ithaca ; L. : Cornell University Press, 2005. xviii, 367 p.
15. Holquist P. “In Accord with State Interests and the People’s Wishes”: The Technocratic Ideology of Imperial Russia’s Resettlement Administration // *Slavic Review*. 2010. Vol. 69, No. 1. P. 151—179.

УДК 94(470.57)“1918”

А. О. Иванов, заведующий отделом редких книг

Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы, г. Уфа
E-mail: ivanov_alex1990@mail.ru

Источниковедческий анализ документов о попытках сотрудничества крестьянства и казачества в ходе антибольшевистских крестьянских восстаний в Уфимской губернии в 1918 г. (на примере сборника воспоминаний «Кулацкие восстания в Башкирии в 1918 году»)

В статье анализируются документы, содержащие факты обращений крестьян Уфимской губернии к Оренбургским казакам летом 1918 г. с целью защиты от продовольственных отрядов большевиков. Делается вывод о том, что в своих обращениях к казакам крестьянство выражает своеобразное стихийное народное чаяние обрести защитника, способного восстановить поправную справедливость.

Ключевые слова: крестьянство, Оренбургское казачество, Гражданская война, Уфимская губерния, антибольшевистские крестьянские восстания.